

Две выделенные группы фразеологической неологии требуют дифференцированного этимологического подхода. Для заимствований желательна не только констатация языкового источника, но и обращение к его истории в языке-доноре. Для русских фразеологических неологизмов необходима углубленная социальная и лингвокультурологическая справка, подкрепляющая собственно лингвистическую интерпретацию.

Примеры предлагаемых подходов будут представлены в докладе.

РЯ — Русский язык : энцикл. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.

DOI 10.31168/7996-2700-3.79

А. Б. Мороз

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия

abmoroz@yandex.ru

***Святке*: биография несуществующего демона**

В русской фольклористике с рубежа XIX–XX вв. распространены сведения о демоне, название или имя которого дается то с прописной, то со строчной буквы: *Святке*. Одно из первых его упоминаний содержится в [Георгиевский, 1902, 61], наиболее поздние упоминания — в [Конкка, 2018]. Представления об этом демоне, известные на Европейском Севере России, преимущественно в Карелии, сформировались, вероятно, не без влияния финно-угорской (карельской) демонологии.

Как можно судить по имени / названию, демон активизируется в святочный период. Он пугает гадающих или нападает на них, а также дает гадающим ответ на вопрос о будущей судьбе [см.: Власова, 1998, 471–472].

В источниках с дореформенной орфографией демоном пишется с конечной буквой *ѣ*, место ударения не определено. Он склоняется по *-о-типу, т. е., например, как *силок*: род. п. *святкѣ*. Авторы публикаций, посвященных данному персонажу, более или менее дословно

воспроизводят фрагмент из статьи А. Георгиевского, иногда дополняя его другими — аналогичными или похожими — контекстами и сопоставляя образ святочного демона с лешим, чертями, дьяволом, которые могут выступать в подобных ролях.

Ни у кого из авторов публикаций, рассматривавших *святке*, не вызвала недоумения странная морфология демонима, совершенно не типичная для русского языка и противоречащая правилам русской грамматики. Единственно возможный вариант окончания *-е* (*-ѣ*) для существительного в им. п. — двойственное число, однако его распространение в русском языке, в том числе в севернорусских говорах, не засвидетельствовано (за исключением окончания твор. п. *-ама*, используемого в мн. ч. вместо *-ами*, и словоформы *муде*, впрочем, тоже не слишком распространенной в этом виде).

Текст, опубликованный А. Георгиевским в «Олонецком сборнике», очевидно, представляет собой не полевую запись, в которой говорит сам информант, а пересказ автора публикации. Мотивы, связанные со *святке*, в этом тексте таковы:

- во время гадания со шкурой демон не может переступить магический круг, нарисованный гадающими;
- *святке* таскает шкуру, на которой сидят гадающие, за хвост, потому что он оказался за пределами магического круга;
- демон надевает валенок на голову гадающей девушки; срывает у других гадающих горшки с голов, думая, что это сами головы.

Еще один мотив приводится в разделе, посвященном *святке*, но без упоминания самого демона: гадающему в поле показался воз с грузом — когда тот подошел к возу, то обнаружил в нем шелк и разбогател.

В полевых материалах, записанных в ряде севернорусских регионов, действительно упоминается демон, активность которого приходится исключительно на период Святков и который в известном смысле участвует в гаданиях, в том числе и описанным выше образом. Обычно его именуют общими терминами — как правило, в мн. ч.: *биси*, *черти*. Среди наименований этого демона встречается и *святкі́*. Диалектные словари, описывающие севернорусские говоры, если и упоминают о демоне с названием, образованным от календарного периода, то только в этой форме мн. ч.

В полевых материалах, имеющих в нашем распоряжении, в том числе в материалах архива Лаборатории фольклористики РГГУ (Арх.:

Вел., Карг., Леш., Нянд., Прим.), наиболее частотны два контекста, в которых упоминается этот демон. Первый — это описываемое А. Георгиевским гадание *на росстани*, когда гадающие, сидя на шкуре, очерчивают вокруг себя линию с помощью кочерги, сковородника или головешки. При этом произносится приговор, содержащий такие слова: «...встань стена каменная от земли до неба, чтобы не пройти, не проехать ни пешему, ни конному, ни святку́ востроголовому». Второй контекст связан с ночью накануне Крещения, когда *святки поезжают*, т. е. уходят. В это время девушкам рекомендуется выставлять на улицу перед домом мутовки — в надежде, что *святки* на них шелка наматают.

Можно предположить, что рассматриваемая лексема имеет недостаточную парадигму, с отсутствующей формой номинатива ед. ч. Однако в любом случае она не может быть «восстановлена» в том виде, в котором приводится в работах А. Георгиевского и его последователей. Гораздо более закономерными выглядели бы гипотетические формы **святóк* или **святкó*, однако они не зафиксированы. Подобная ситуация объяснима, как представляется, омонимией демони́ма и хрононима — притом что хрононим представляет собой имя *pl. t.*, а одноименные демоны, упоминаемые в большинстве контекстов, также представлены множественно. В гадательном приговоре отражено едва ли не единичное употребление слова в ед. ч. — вполне возможно, что это окказионализм.

Если рассматривать фольклорно-мифологические параллели, то можно предположить, что *святки* тождественны или близки *шуликунам* — на это, в частности, указывают остроголовость и мотание шелка на мутовки, что приписывается и шуликунам. В то же время А. Конкка видит в названии святочного демона параллель с карел. *цонда* ‘домовой’ [Конкка, 2018]. Перенос хрононима на демона, активность которого связана с соответствующим календарным периодом, выглядит вполне логично, тем более что в одном из распространенных контекстов (*святки поезжают*) различие демонов и праздников нейтрализуется. Как можно думать, словоформа *святке* есть не что иное, как искусственный конструкт, созданный А. Георгиевским, которому был необходим номинатив для изложения сюжетов о демоне. Причина «несообразности» этого конструкта пока остается непонятной — вероятно, это некий курьез, раскрыть который было бы возможно при наличии рукописного оригинала заметки.

Что касается написания названия демона с прописной буквы, то оно, видимо, обусловлено влиянием сложившейся еще в «мифологических» сочинениях XVIII в. традиции писать таким образом названия демонов — это объяснимо стремлением поставить леших, домовых и т. п. в один ряд с языческими богами.

Власова М. Н. Русские суеверия : энцикл. словарь. СПб., 1998.

Георгиевский А. Народная демонология // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 4. Петрозаводск, 1902. С. 53–61.

Конка А. П. Святке — мифологический персонаж зимних Святков на востоке Олонецкой губернии и его карельские параллели // Уникальное и типичное в славянском фольклоре / отв. ред. А. Б. Мороз. М., 2018. В печати.

DOI 10.31168/7996-2700-3.80

И. И. Муллонен*, Е. В. Захарова**

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Петрозаводск, Россия

*mullonen@sampo.ru

**katja.zaharova@mail.ru

Проблемы интеграции прибалтийско-финских топонимов в официальное русское употребление*

Прикладная топонимика призвана решать насущные практические задачи, устанавливающие нормы орфографии, орфоэпии, образования грамматических форм топонимов, имеющих официальное бытование. Вопросы стандартизации стоят особенно актуально в национальных регионах России, где решается задача интеграции национальных топонимов в официальное русское употребление.

В Карелии, благодаря многовековому взаимодействию прибалтийско-финской и русской топонимических систем, сложились многие естественные нормы, образцы адаптации карельской / вепсской топонимии

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ № 19-012-00068А «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

© Муллонен И. И., Захарова Е. В., 2019